

ПРОФИЛЬ КУМИРА

8 декабря 1980 года у здания «Дакота» в Нью-Йорке выстрелом из пистолета был убит Джон Уинстон ЛЕННОН. 9 октября 1990 года ему исполнилось бы 50 лет. Дню рождения Леннона посвящает свою статью Маргарита ПУШКИНА-ЛИНН — филолог, поэт, автор текстов многих знаменитых рок-групп, редактор журнала «Рокада».

Статью «Осенняя исповедь» читайте на 8—9-й страницах.

40 • 1990

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ К ГАЗЕТЕ ЦК КПСС

Советская
КУЛЬТУРА

ЭКРАН И СЦЕНА

---

4 октября

-с 18-9

8 декабря 1980 года у здания «Дакота» в Нью-Йорке выстрелом из пистолета был убит Джон Уинстон ЛЕННОН. 9 октября 1990 года ему исполнилось бы 50 лет. Дню рождения Леннона посвящает свою статью Маргарита Пушкина-Линн — филолог, поэт, автор текстов многих знаменитых рок-групп, редактор журнала «Рокада».

Х, ЕСЛИ БЫ предложение написать о Джоне прозвучало лет 10 назад... Еще лучше — лет 20 назад! Честное слово, тогда грянул бы настоящий праздник души и сердца. Нет, праздник душ и сердец представителей «битловского народа», которые со свойственным молодости максимализмом возвели ливерпульца Леннона в ранг божества.

Божества, периодически меняющегося облике, — то коротко стриженного, то длинно-волосого, то в маскарадном мундире с золотыми воротником, то с носом, свидетельствующим об ироничности и даже вредности характера хозяина, с глазами, в которых перекатывались-переваливались то особое рок-н-рольное буйство, то специфическая блюзовая печаль.

И глубокий смысл был бы нами найден в моменте, выбранном судьбой для рождения будущего битла — 9 октября 1940 года — под истинной вой сирен, оповещающих жителей города о налете фашистской авиации (бомбы в начале пути — пуля в конце, через 40 лет и 2 месяца... Круг замыкается просто).

Мы с восторгом поведали бы о том, что в детстве Леннон слыл отъявленным хулиганом, с которым осторожные родители строго-настроено запрещали дружить своим детям; и карикатуры рисовал он непристойные, и сигареты в магазинах воровал (вкуснее — тибрилл), чтобы потом сделать небольшой бизнес — перепродавать их своим же приятелям с небольшой наценкой (как теперь у нас говорят, «по кооперативным ценам»), мерзко и цинично приставал к девочкам.

Вообще-то «трудные» подростки быстрее заражаются бациллой рок-н-ролла, чем их лай-сверстники. Им не хватает внутренней свободы, они должны выплескивать ее здоровенными ушатями на таких же свистящих и хрипящих чад, готовых к восприятию любых нестандартных посылов. Чем сильнее шок у родителей, тем веселее жить этим чертякам.

А мама Джона? Ни у кого из нас такой не было, хотя наши матушки и подкармливали начинающие таланты нежными домашними котлетами, шили им шляпы из вельвета вызывающе красного цвета, а в минуты столь частых биг-битовых неудач утешали теплыми пирогами. Но ни одна из них не смогла бы пройти, как Джулия, по улицам города в очках без стекол, не стала бы, здороваясь со знакомыми, ради смеха почесывать то левый, то правый глаз через дырочку оправы.

О, сколько бы мы написали о Джоне лет 20 назад! Смеялись ли солнце, трудился ли дождь, Нам было тогда все равно, Мы слушали «Битлз», и радужный морж Стучался с друзьями.

Дурак на долгие приглашал нас на чай, А Люси спускался с небес... Все было случайно, и папа ворчал, Не веря в случайность чудес, Мы слушали «Битлз!».

Те, кто был за «битлов», презирали и поколачивали тех, кто был за «роллингов», и наоборот. Неминутный раскол произошел и внутри самого лагеря «битловского народа», ибо каждый из четверки имел собственный магнит привлекающей. Главные споры разгорались вокруг Маккартни и Леннона. Девочки боготворили милашку Пола и на сон грядущий прятали его портреты под подушку, мальчишки больше симпатизировали остроумному и котвзланному Джону. Ринго был самым парнем, но слабее как личность. Джордж напоминал шкатулку с секретом, вокруг которой можно ходить часами и которую страшно ватно открывать.

Да, Джон казался нам проще. Или мы видели его таким, как нам хотелось? Что это был за человек на самом деле, можно лишь догадываться. Нам нравились цирковые салты Джона, и он (наверняка заранее прогнозируя эффект) преуспевал в поставках своим обожателям шуток, неожиданных поступков и всеских хохм, возмущавших обывателей. Один роман с Йоко Оно чего стоит! Конечно, мысленно мы соглашались с тем, что у человека вроде Леннона и спутницы жизни должна быть из ряда вон выходящая личность. Но их постоянные обмены поцелуями и чрезмерное жонглирование словом «ла» раздражали даже самых снисходительных из нас. На молодежном слэнге подобные нежности определялись, как «зузу-муму», «солли-волли» и, наконец, «тити-мити».

Теперь же все это видится как упорная работа над имиджем супругов Оно-Леннон. И любой или почти любой роман скажет, что его идеал жены — покойная, домовитая, чадолобивая подруга, не выходящая в бизнес мужа, не дающая никаких деловых советов. Не дай бог встретит вот такую Йоко, которая сумеет накормить не отбивной, а воздухом (Йоко Оно продвигала подобные фокусы с мужем и его гостями — предлагала прокатиться на автомо-биле и заодно пообедать свежим калифорнийским ветерком). Воздух — один день, воздух — второй, так и ноги протянуть можно.

Но в те годы многое воспринималось по-другому. Мы искренне любили Джона. Тогда еще настоящее одиночество не захлпывало своей бетоно-стеклянной ловушкой, не подстергало в бесконечных подземных переходах и лифтовых шахтах от центра земли до умопомрачающего звездного сияния. Оно лишь изредка снисходительно позволяло нам попадаться в свои тренировочные капканы. Собственные герои рок-н-ролла в ту пору, как говорится, еще ходили под стол пешком либо имели местное, не переходящее пока в международное значение.

Сашка Градский, прекрасно знавший о своем внешнем сходстве с Ленноном, да еще большей убедительности расчесывал волосы на прямой про-

Нетулованный профессор Леннон, попавший под влияние нетитулованной профессорши авангардистских дел Йоко Оно, учил: «Наши тела и мысли взаимодействуют таким образом, что в результате взаимодействия создается Нечто. Это Нечто можно рассматривать так же, как критик анализирует и разбирает картину или скульптуру...» Приятно было ощущать себя экспонатом в галерее космических размеров, частицей супермасштабной выставки искусства.

Но время, когда мы были так безрассудно молоды и когда никого из наших героев не наказывали (им всегда удавалось уйти от преследователей — по песне «Remembe»), закончился. Последним гостем из тех дней промелькнул похожий на заводного латиноамериканца биограф битлов мистер Хантер Дэвис. Он признался, что всегда был дружен с Полем. Джон раздражал шустрого журналиста своей вездельностью и резкостью.

Тем не менее все, что случилось с нами потом, после смерти Джона 8 декабря 1980 года, продолжало укладываться в рамки его откровений. Сон или мечта действительно оборачивался, мы слишком долго позволяли себе мечтать. Теперь нам пришлось переродиться и разувряться в Иисусе, Кеннеди, Будде... Элисе... «Битлз»... (по песне «God»). Какой удобный ряд для подстановки других имен! Окончательно сфокусировалась реальность. Так красиво шитые одежды рано или поздно истекают от длительной носки и лохмотьями падают к ногам. Человек остается нагим среди осколков огромного зеркала, каждый из которых — острая бритва. Оказалось, «мы родились в торьме, нас отправляли в школу-торьму. Мы кричали в торьме, мы любили в торьме и, как правило, мы умирали в торьме... Мы умираем и сейчас, так и не узнав правды...» (по песне «Born in a Prison»). Вокруг нас тысячи людей нечистили до блеска свои ботинки и нарядили в костюмы, подстригли волосы и выгляды чертовски привлекательно. Тысячи людей скрывают свое истинное лицо за улыбки, гримированы, выступают от имени всего рода человеческого, ходят в церковь и поют гимны. Другая тысяча до самой смерти не желает тронуться с места, клеитки людей за другой цвет кожи. Но при всех ухищрениях и уловках ни тем, ни другим не удастся скрыть свое духовное

ОСВЕЖАЯ ИСТОРИЮ

бор, втягивал щеки и на минуту застывал, гипнотизируя зал классическим джонсовским анфасом... А на сейчасное весело выводил в честь собственного грядущего дня рождения «У Санча Бэздей» и вместе с знаменитой битловской «Nothing» пел более привычного для себя нигилистического «на фиг!».

Изображению Джона приписывалась некая магическая сила. Будучи язычниками по крови, мы засовывали вырезанные из газет и журналов фотографии Леннона в свои тощиче кошельки, приговаривая: «Дай бог, чтоб червончик из трюльничка получил-ся!» Чуда не происходило, но мы не обижались — фотографии были не лучшего качества.

Моменты нашей жизни удивительно совпадали со многим, о чем пел в те годы Джон. Мы действительно разрушали ментальные барьеры, сеяли неизвестные науке семена, играли в геррилью умов, пели мантру мира на земле. Зыбкую перегородку между нашей и не нашей территориями периодически взламывали волосатые натруженные руки борцов за кондово-советские идеалы — кого-то насильно стригли, избивали в кровь, отправляли в психушки, поливали нецензурной, изошренной бранью. Но нам удавалось все-таки жить по Леннону, ощущать себя водами различных рек, волнами огромного проточного океана, осознавая, что когда-нибудь все вместе мы испаримся... (по песне Джона «We're All Water»).

Музыка нашего бытия, созвучная не очень мудреной жизненной философии Джона, постепенно набирала скорость и драйв — мы уже не могли слезть с пластинки «Молчание», мы старались прочитывать в глазах друг друга, что там же времена вот-вот кончатся, хотя бы ненадолго (песня «Hard Times are Over»). Ограничения в передвижении своих материальных тел различными ин-струкциями о въезде-невъезде, о небощении с ино-странцами и т. д., разумом мы были свободны.

Какое столпотворение происходило на воздушных путях, когда мысленно мы общались с Англией и США, с любой точкой земного шара, где, по нашим данным, находился неутомимый Джон (из-за того, что достоверная информация обычно запаздывала, мы вечно промахивались). Придуманные для пущей важности Службы Управления Воздушным Движением Наши Идей хахаллись за головы. Мы же, клиенты этих служб, отменно функционировали как приемники и трансляторы эмоций.

Интеллектуальные способности «битловского народа», начавшегося умных книжек и слушающего соответствующей музыки, давали возможность ленноновской теории вибраций развиваться по всем правилам. Мы верили, что наступит время и мы будем общаться и учить своих детей так, как наши родители не учили нас и не общались с нами. Наши дети по этой теории должны были бы излучать положительную энергию, а внешне и внутренне быть настоящими произведениями искусства.

ничтожество (по песне «Crippled Inside»). Сон закончился.

Отведенный нам зал в космическом музее искусства подвергся нашествию варваров. У скульпторов не поднимается рука лепить и высекать новые шедевры. Те, кто приходит, прошмыгивает, пролезает сюда, действуют интуитивно — хватают краски и мажут на стенах всякую похабщину. Сопричастность искусству. Доступность исходного материала. Как?!

Как мы можем идти вперед, если не знаем, на каком пути окажемся? Как мы можем идти вперед, когда не знаем, куда повернуть? Как мы можем идти в сторону того, в чем не уверены? (по песне «How»).

Помню, как-то раз мы вызвали дух покойного Джима Хендрикса. Виртуоз-гитарист на вызов отреагировал, но ничего толком о том свете нам не рассказал, зато долго и нудно матерился.

Дух Леннона явиться отказался. То ли чрезмерно увлекся рок-н-роллом на небесах, то ли погода для него была неветной, то ли бывшего битла совершенно не интересовала Россия с ее непредсказуемым прошлым и весьма предсказуемым будущим. Тем более что наша действительность несколько тяжеловата для звезных избалованных музыкантов. Западный бит и рок — просто пиши по сравнению с нашим отечественным 125-процентно жизненным хэви-металлом. Все — к помпам да к мостовым, да к бульварным. Лучшая проверка на авиавость для любой теории... Что прикажете делать в таком бедламе тени представителя утопического бит-коммунизма?

В 1973 году Джон и Йоко объявили об открытии государства Нутопии. Идея прекрасной сказочной страны давно носилась в воздухе. Еще после выхода пластинки «Оркестр клуба одиноких сердец сержанта Пеппера» начались разговоры о том, что чудесная Пепперланд, действительно существует. Если сложить все цифры, упомянутые в «Сержанте», получится семизначное число. Номер телефона. Если же этот номер набрать, то явится Нехто и сопроводит вашу душу в Пепперланд. Обычно те, кто рассказывал эту историю с телефоном, да большей убедительности сыпались на своего близкого друга, который якобы набрал магический номер, и... «так его и видели!»

Джон свою Пепперланд переименовал в Нутопию. Любой человек мог стать гражданином этого государства, признав лишь факт его существования. У Нутопии не было ни границ, ни территории как таковой — одни люди, населяющие ее, подчиняющиеся действию исключительно космических законов. Все граждане Нутопии считались полночными представителями своей страны. Джон и, разумеется, Йоко, находясь в этом же качестве, требовали для себя предоставления дипломатического иммунитета, а для придуманного ими государства

и его населения — признания в Организации Объединенных Наций.

В квартирах многих представителей бывшего «битловского» сообщества висит один и тот же портрет Джона — со знаменитого «белого альбома». Серьезный, как нигде и никогда, Леннон, с проходящим сквозь тебя взглядом. Слово смотрит в чуть приоткрытую за твоей спиной дверь, понимая смысл происходящего в другом измерении. Джон — Вселенская Усталость и Понимание. Джон — Гуру. Джон — Символ. Теория эмоционального общения, о воплощении которой в жизнь нашими детьми так хорошо мечталось когда-то, не сбывается. У наших отпрысков — свои острова и островки, свои облака и свои герои. Они обмениваются флюидами между собой, и уходит в себя, уловив желание контакта с нашей стороны. Для них Джон — понятие, которым «ностальгирующие предки» измеряют свои болячки. Не боль, как пел Леннон, а болячки.

Мы во многом проиграли, Джон, — медленно начинаю я, обращаясь к портрету Леннона, непочтительно прикрепленному к стене двумя канцелярскими кнопками, — или нас неправильно разыграли. Помнишь, ты пел о том, что «нас выбрасывают, как ненужные инструменты»? Оночательно нас еще не выбросили. Но кто-то, устав, сумел выбраться сам. В кино.

Серое, непроясненное уже который день от дождя пасмурное небо прочно село на неилые купола рано постаревших в этом году деревьев Нескучного сада.

И у тебя была еще одна замечательная мысль: любовь превращает дерево во флейту... А Джон? Из всей нашей братии получился бы неплохой оркестр, да только опительной отеческой любви не хватило на всех. Вот и гатится себе лес без корней... Руби — не хочу.

Знаю, что, повторив несколько раз «А, Джон?», «Послушай, Джон», «Ну ты даешь, Джон», провоцирую вибрации воздушных масс. После эволюции — космос пойдет на контакт. С воспоминаниями стало легче общаться, чем с живыми людьми.

Хей, Леннон! Один парнишка стыдливо признался, что в переходе метро видел книгу о «Битлз» и представляешь, не купил ее! Пробежал мимо. «Вот, — говорит, — если бы лет 5 назад такое случилось...»

То купил бы и себе, и всем своим сорешам да знакомым, спрашивает эфемерный летящий раздвигания, и Джон выходит на связь, как в старые добрые времена, — просто «температура ползет вверх, лихорадит восток, не видно ни будущего, ни небес... И ноги налились свинцом, и голова тяжелая, хочется стать ребенком, хочется умереть» (по песне «Gold Turkey»).

— Пока луна не повернулась к нам другой стороной, Джон, скажи мне, ведь 50 лет — очень серьезная дата! Даже если 10 лет назад тебя убили и на самом деле ты прожил полных 40! И от души поиздевался над нами, предлагаю то одну, то другую игрушку...

Как же, как же... слышится легкий смехок и любящее слово «Fucks», которое ценоматическим руководством фирмы IBM старательно вычерчивало из текстов Джона, напечатанных на конвертах пластинки, — наш КОРОТКОПА Бобби сегодня НАРОДИМ-НИК! так ему и надо, получай СОР, получай ПРИЗ...»

— Трудно догадывать до старости. И печально... Но ведь юморист от рождения Джон, представь: тот тебе исполняется 80 годовок! Ты, озовоженный, лысенький старичок, сидишь в бразильском кресле-качалке, пускаешь слюнки при виде здорового праздничного пирога. А Йоко, которой тогда да седина-звезда-нипочем, настолько она восточная женщина, подвывает тебе под подбородком клетчатую салфетку, нащепывает: «Фудзинма, Джон, Фудзинма!» Помнишь, как вы с Йоко устроили демонстрацию мира в Амстердаме, целую неделю провалявшись в постели? Ты тогда вещал, что во имя мира каждый может подстричь себе волосы, отказаться от нескольких дней отпуска или же промаршировать, сидя в огромном мешке. Опять же ради святой идеи.

И сейчас выступило, как ваш президент. Мира можно добиться только мирными средствами. И не ругайте борются против государственного аппарата его же методами, потому что они всегда побеждают и побеждали тысячи лет. Истбиблицист прекрасно известно, как вести игру в настольные игры, что выгодно знать тебе в лицо — так проще стрелять. А вот справиться с твоим юмором, юмором во имя мира... Например, ты борешься за мир, побившись ногом. Ващна, как бульварный шар! Или митингуешь в постели, рассылаешь направо и налево призывы вроде: «Мир, брат! Любви, сестры!». Что они смогут с тобой сделать? С твоей готовностью никакого насилия.

— Слушай, а как бы лично ты поступил, если бы началась война? Просыпаясь утром, а в газетах — здравствуй-помянувшись, Великобритания объявляет войну Франции и ты...

— Я бы на месте умер от страха... Это точно...» Я...

Конца фразы Джона я не слышу — идут помехи за помехой. В ушах мужжит, в глазах мигает. На экране моего скромного телевизора начинает разыгрываться трагикомедия под километровым названием поп-якоби-рок «Фестиваль цикла (!) «Дайте миру шанс» — Муз-ЭКО-90», посвященный 50-летию Джона Леннона. Компания прозревших по команде телевизионных дев и выношей, несколько симфонических возрастных категорий в содружестве с другой компанией вроде бы приличных деловых людей из серии «откуда-только-они-берутся» выносятся на сцену так называемых «третьих лиц». Третьи лица поют, приплясывая, откровенно жуят дефицитную жвачку, вдохновенно выхлопывают ухаживаемыми бедрами, они — служители и служительницы нашего Поп-храма, хромоухощи на все левые колонны. Аллофеоз массовой культуры в отдельной взятой

(иначе нельзя, потому что она — единственная!) стране 4-го мира.

Очевиди рассказывали, что вылезшие на свет божий в те дни неистребляемые вышшими бедствиями и угрозой введения чрезвычайного положения хиппи пытались пикетировать фестиваль. Они про-ставили часами с плакатами типа: «Джон Леннон — наш герой». Подобные акции это уже засоряют. Вот она, невнятная наивность детей чухлых городских цветолов! И эжу, и розовому фламинго понятие, что человеческие существа любят заказывать музыку, соответствующую уровню своего слуха. Со слухом у нас приключилась очень большая беда. Слово штук сто отборных медведей, изгнанных современностью из уютных вековых берлог, в отместку прошили по ушам, по мозгам, по хребтам и душам многих наших сограждан. С Востока на Запад. С Запада на Восток. Из-за этой оттоптанности так и живем. Поем и играем.

— Дзинь-ля-ля, Джон! А что ты сказал бы по этому поводу?

— Любой человек может взрывать рис, но не каждый может пригласить его, как следует. Стряпня свидетельствует о состоянии вашего ума. То же самое и в музыке... Джон! Достаточно заглянуть в один-два гастронома, чтобы моментально догадаться о состоянии всего организма. Полное несварение. Но это же печально, мистер Леннон, когда в поисках добычи, то есть хлеба белого и насыщенного, приходится рыскать с видом обормозившего от неудач охотника.

— Мы понимаем вашу паранойю, но не хотим играть в ваши игры (песня «Blip on the Lucie»). Сам я играл в игру под названием «жизнь», пытался с каждым днем сделать ее лучше. Нога я метался в крошечной темноте, магическая сила музыки освещала мне путь, интуиция вела меня за собой... Я не жаловался на свои инстинкты, я должен был научиться пользоваться ими так, чтобы выжить... Время от времени получала новое подтверждение старая истина: «А здорово все-таки быть живым!» (по песне «Inchworm»).

— Отбой, Джон, отдохнем немного, резонанс вибраций уже грозит землетрясением!

...А люди, не имеющие никакого отношения к имениннику, выходили на сцену, говорили банальные слова, кривлялись, зарабатывали популярность и деньги на своей патологии. Публика была под стать артистам, большинством беснующихся

ся и пляшущих под любую фонограмму забыли давным-давно о дне рождения. По большому счету им было начать на Джона. Табак нет, водки нет, продуктов нет. Зато разнокалиберным рок-н-роллом хоть залейся. Раньше и выпить было что, и съест было что, а в столице даже «Кент» и «Мальборо» в государственных киосках по 1,50 продавали. Правда, музыки на стадионах было мало. Так что лучше! Когда табак нет, водки нет, еда, а рока — сколько хочешь, или наоборот! Независимый народ выберет первое. В наших условиях лучше быть сытым, чем рок-н-рольным. Такую песню ливерпулец сочинить не успел.

«Каждый отмечает день рождения Джона Леннона в меру своей испорченности», — грустно думалось мне. Степень испорченности получалась устрашающей... Из всех выступавших только Цой сумел сохранить какую-то внутреннюю связь с виновником торжества. Может быть, его поющая Бог-душа уже готовилась к встрече с Ленноном там, за порогом нашего понимания? Может быть, потому, что он был одним из последних произведений искусства в полуразрушенной галерее Джона и Йоко? Естественный и честный. Простой и гордый.

По экрану пылили титры, мысленный хаос постепенно выстраивался в несвойственную мне цель слов: «Ох, мама, мама, и, если ты есть, Господь справедливый, защити Джона нашего Леннона, защити Александра нашего Башлачева, защити Виктора нашего Цоя, защити всех, навеки уснувших друзей наших от тех, кто пребывает в заботе величайшей о нуждах токмо живота своего, сиречь карма...»

Отвтом мне было молчание, на которое зыбкой тревогой накладывался блюз грядущих российских снегов в честь Джона Оно-Уинстона Леннона Первого. Единственного...

Маргарита ПУШКИНА-ЛИНН.

* Джон Леннон. Минуты. Перевод английско-го В. Бонина и Марка Стефанского. Инстр. лит-ра. № 12, 1983 г.

** Подборка цитат из интервью 1969 года по случаю выхода «Белого альбома». Амстердам.